

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

*К 200-летию
Бородинского сражения*

ОТ Дона ~

ДО

Сены

Донское казачество в войне 1812 года

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2012

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ: 60
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ: 2,6**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

Книга «От Дона – до Сены» рассказывает об участии донских казаков в Отечественной войне 1812 года, а также предлагает вспомнить основные факты биографии нашего знаменитого земляка – Всевойскового атамана Матвея Ивановича Платова.

*Почтение моё к Войску Донскому
и благодарность к подвигам их
в течение кампании 1812 года,
которые были главнейшей причиной
к истреблению неприятеля.
Сие чувство завещаю я
и потомству моему.*

Фельдмаршал
Михаил Голенищев-Кутузов

*Привет донцам! Увековечен
Ваш сильный, доблестный народ,
И знает мир, как вами встречен
Войны Отечественной год:*

*Весь Дон восстал, на голос чести
И день, и ночь казак летел
И крови в битвах грозной мести
Последней капли не жалел.*

*...Войны испытанные дети,
Русь помнит ваши имена!
Недаром славою столетий
Покрыты ваши знамена.*

Иван Никитин

*Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..*

Михаил Лермонтов

СОДЕРЖАНИЕ:

День Бородина.....
Во славу Дона и России.....
Зарейнско-донской атаман.....

Встречающиеся в тексте понятия и термины поясняются в словаре в конце книги.

*Друзья!
Нам предстоит или
славная смерть,
или победа.
Не будем мы русские и донцы,
если утрашимся врага.
С Божьей помощью
отразим злые его замыслы!*

Матвей Платов

Начало XIX века отмечено событием, которое – так или иначе – повлияло на развитие всей мировой истории.

12 июня 1812 года огромная армия Наполеона перешла наши рубежи.

Началась Отечественная война народов России против французских захватчиков.

Особую роль в русской армии того времени играли казачьи боевые силы, несмотря на то, что в те годы войска эти созывались только на время войны.

Дата 26 августа 1812 года в российской истории навсегда останется памятником грандиозной битве, в которой – по словам генерала Алексея Петровича Ермолова – *«французская армия расшиблась о русскую армию»*.

Бородинское сражение нанесло врагу смертельную рану и с особой силой раскрыло величие всего русского народа, знавшего, за что он борется.

А в составе русской армии участвовало двадцать казачьих полков и две конно-артиллерийские роты.

За день до сражения возвратившийся из Москвы Войсковой атаман Матвей Иванович Платов вступил в командование всеми донскими подразделениями.

Отдельный отряд майора Акима Акимовича Карпова (восемь казачьих полков) входил в резерв левого крыла русской армии, прикрывавшего направление на Москву по Старой Смоленской дороге у деревни Утицы.

1-я рота донской конной артиллерии майора Петра Фёдоровича Тацина сражалась в дивизии генерал-майора Михаила Семёновича Воронцова.

В то горестное лето *«грозы 12-го года»* платовцы трижды одерживали блестящие победы над французскими частями, давая возможность Петру Ивановичу Багратиону маневрировать и уходить от противника.

Французский император, мысленно уже похоронивший багратионовских воинов, был в бешенстве.

Но в рядах русской армии возникло недовольство тактикой постоянного отступления, которой усиленно придерживался военный министр и главнокомандующий Михаил Богданович Барклай-де-Толли.

Именно об этом периоде – строчки великолепного лермонтовского «Бородино»:

*Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? На зимние квартиры?»*

*Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»*

В рядах военной оппозиции оказался и (находящийся в барклаевском непосредственном подчинении) атаман Всевеликого Войска Донского Матвей Платов – из-за старых личных обид и предубеждения против иностранцев вообще.

А немца Барклая всегда в петербургском свете недолюбливали, он ещё в 1809 году (даже раньше Платова) за отличия в войне против шведов получил звание полного генерала, что вызвало бурное недовольство российского генералитета.

Сам Платов (по продолжительности службы) считался одним из старейших генералов отечественной армии. И этот факт оказался весьма неудобным – в первую очередь для его сравнительно молодого начальника.

Фамилию (никак не решающегося дать французам бой) фельдмаршала в кулуарах саркастически переименовали в *«болтает, да и только»*

А атаман кулуарной критикой не ограничился и при встрече с Барклаем публично сделал ему резкое заявление: *«Видите, на мне одна шинель, я не надену русский мундир – он для меня позорен»*.

Барклая с должности сняли, но и эту открытую демонстрацию Платову не забыли.

Главнокомандующим назначали другого Михаила, только Илларионовича, – князя Голенищева-Кутузова. Это атамана также не обрадовало. Ещё с турецкой кампании 1809 года не заладились у них отношения.

Об этом факте и дореволюционные, и советские историки обычно не упоминали.

Старались не упоминать и другое – совсем уже непонятное.

В Бородинском сражении Платову, из подчинённых 25 казачьих полков, оставили лишь пять. И вот этот его значительно уменьшившийся отряд совместно с 1-м кавалерийским корпусом генерала Фёдора Петровича Уварова в самый, что ни на есть драматический, момент битвы совершил рейд против левого фланга противника!

О результатах этой диверсии историки спорят до сих пор, поскольку оба они, и Платов, и Уваров оказались почти единственными из всех генералов, не получившими **никакой** награды за Бородино – в силу крайне низкой оценки их деятельности главнокомандующим.

Общеизвестны многочисленные восторженные отзывы Кутузова по отношению к казачьему воинству и к его атаману.

Но, оказывается, так было не всегда.

«Кзаки, - писал Михаил Илларионович в донесении царю после сражения 26 августа, - в сей день, так сказать, не действовали».

И это – на фоне общей эйфории: *«Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских войск»!*

Что конкретно имел в виду фельдмаршал, никто не знает.

Но брошенная им на поведение атамана тень тогда, 26 августа 1812 года, доставила большие трудности не одному поколению биографов.

Давайте заглянем в другие источники и выясним, как же *«не действовали»* платовцы в тот знаменательный день.

Кутузов принял решение остановить наступление наполеоновских войск, дав им под деревушкой Бородино генеральное сражение.

А затем перейти и в контрнаступление.

А донские казаки уже пару дней искали слабые места в боевых порядках противника: нападали на кавалерию и пехоту, уничтожали разведчиков.

Внимательно наблюдали за передвижением войск вице-короля Франции Евгения Богарне – искали подступы.

И, к всеобщей радости, 26-го числа обнаружили брод через речку Колочу.

Платов отправил к Кутузову обер-квартирмейстера принца Эрнста Гессен-Филиппстальского с просьбой разрешить *«совершить диверсию в тыл противника»* (кстати, принцу Эрнсту в этот день оторвёт ядром правую ногу).

Главнокомандующий согласился и дал в помощь платовцам кавалерийский корпус генерала Фёдора Уварова.

Вот так донские казаки и оказались во французском тылу в самое кризисное время Бородинской битвы: батарея Николая Николаевича Раевского уже буквально дышала на ладан, а враг занял Багратионовы флеши.

Неоднократные атаки лейб-казаков Василия Орлова-Денисова ни к чему не привели. Французская кавалерия отступила, но пехота, построившаяся в каре, встречала сильным ружейным огнём.

На левом фланге и в центре русской обороны сложилась крайне критическая ситуация.

И вот, к полудню казаки Платова и кавалеристы Уварова сумели втихую переправиться через речку и атаковать противника – даже в мыслях не державшего, что с другого берега Колочи может начаться стрельба.

А появившиеся, как из ниоткуда, донцы молнией понеслись на ряды неприятельской пехоты – артиллеристы дрогнули и стали спешно разбегаться.

В воспоминаниях французского полковника Ложье читаем: *«...приходят спешные донесения вице-короля, что многочисленные отряды неприятельской конницы выступают из леса, чтобы отрезать наш фланг, и угрожают нас обойти...»*

Чтобы убедиться в грозящей опасности, прискакал сам обеспокоенный Наполеон!

Но Наполеон Платову не помеха!

Казаки, захватив с собой пленных офицеров и богатую добычу, вернулись в расположение русских войск.

Сам Евгений Богарне тогда чуть не попал в плен. Под ним убили лошадь, погиб защищавший его адъютант – и вице-королю пришлось приостановить перевод резервов к Захарьино и Бородино.

И не только вице-королю.

Не ожидавшему такой подлости со стороны русских Наполеону пришлось отказаться от ввода в бой своего основного резерва – старой гвардии.

Император Франции, не зная реальной численности просочившихся платовцев, посчитал, что это просто *«старый одноглазый лис»* пошёл на обман, направив в ему тыл крупные части кавалерии и пехоты.

К слову сказать, тактика казаков всегда вызывала ярость у противника. Они ведь практически никогда не атаковали в лоб – обязательно исподтишка, стремительно. Французы же в этой *«степной сшибке»* видели трусость и низость.

Вот как описывал донцов кавалерийский генерал Шарль Антуан Моран: *«Этим диким всадникам совершенно неизвестны наши подразделения, правильное равнение, сомкнутость строя, которым мы придаём такое значение.*

Каждый день казаки появлялись длинными линиями на горизонте, а их смелые наездники подъезжали к самым нашим рядам. Мы строились и шли этим линиям навстречу. В ту минуту, как мы к ним подходили, они пропадали.

Но час спустя, когда мы кормили лошадей, нападение возобновлялось, и опять появлялись эти чёрные линии, повторялись те же манёвры и с теми же результатами. Таким образом, утомилась и растаяла храбрейшая конница – в борьбе с людьми, которых она презирала».

Ну и допрезиралась – не зря до сих пор именно мы, русские, говорим с тенью лёгкой презрительной насмешки: *«как француз в 12-м году»*, имея в виду кого-то трусливого, трясущегося, кутающегося с перепугу в какое-нибудь рваньё.

Остались свидетельства, что именно о такой тактике казаков поминал через 100 лет, в 41-м, Адольф Гитлер, надеясь на их помощь в борьбе с большевизмом.

Всё было. И казаки сражались в той войне и на стороне большевиков, и против.

А солдаты фюрера видели в нас поначалу лишь «русских свиней», тоже – презирали.

Ну и допрезирались. Чем всё окончилось в 45-м, известно.

А манёвр платовцев позволил Кутузову выиграть время. Казаки выполнили свою задачу: спутали планы французского императора и дали два часа форы для подхода резервов к армии Багратиона.

Очень много в этом Бородинском эпизоде противоречий.

Платов ведь – сам выступил инициатором кавалерийского рейда после проведённой – по его личному приказу – разведки местности.

Но для операции фельдмаршал выделил ничтожно мало сил – у Платова и Уварова имелось примерно 4 с половиной тысячи сабель.

На саму же операцию фельдмаршал просто дал «добро», без какой-либо конкретной задачи.

А при отсутствии единого командования и чётко поставленного приказа особо и нельзя-то было рассчитывать на суперэффективные действия.

Казачья кавалерия в день Бородина сделала то, что смогла – в один из самых ключевых моментов сражения она оттянула своими действиями на себя 15 тысяч наполеоновских солдат и тем самым – пусть ненадолго – но отсрочила французскую атаку на батарею Раевского.

И ещё – *«не действовавшие»* – казаки захватили при Бородино почти 500 пленных, при общей численности в тысячу!

Всё это заставляет поставить под сомнение версию Кутузова о «не действии». В воспоминаниях участников тех событий мы встречаем фразы о не совсем справедливом отношении главнокомандующего к Платову.

К примеру, сразу после Бородина он назначил атамана командовать арьергардом, а через два дня отстранил с обидной формулировкой *«за быстрое отступление»*.

Судить трудно.

И о Платове ходили слухи, что он замалчивал чужие успехи; а из боязни, что его обойдут – не давал молодёжи возможности себя проявить.

Судить трудно.

Кандидат исторических наук, сотрудник Государственного исторического музея Виктор Михайлович Безотосный считает, что Платов незаслуженно стал одним из немногих генералов, кто не был представлен к награде за Бородино:

«Ни Уваров, ни Платов друг другу не подчинялись, действовали самостоятельно, не получили никакой задачи атаковать. Обычно, знаете, ставится задача атаковать: взять любой ценой или имитировать атаку, оттянуть на себя силы – разные бывают боевые задачи. Задачи никакой не было поставлено.

Но они совершили этот рейд. Их отбили. Они вернулись благополучно. И из всех полных генералов только Платов и Уваров не получили награды за Бородинское сражение.

Платов вообще не получил никакой награды, ему титул дали именно в 1812 году, но ни одной боевой награды нет. В 1813 году его награждали за менее значимые какие-то дела».

А донцы и после Бородина преподносили образцы беззаветного мужества и отваги.

*

ВО СЛАВУ ДОНА И РОССИИ

*Если бы мне дали казаков,
я бы завоевал весь мир.*

Наполеон Бонапарт

В отечественной научной литературе тема казачества едва ли не одна из самых малоисследованных. Краеведы утверждают, что история этого уникального, самобытного свободного «войскового товарищества» насчитывает несколько столетий и таит в себе немало тайн и неожиданных открытий для современных учёных.

Общественная организация, жизненный уклад, культура, фольклор, повседневный быт, идеология, психология и поведенческие стереотипы казаков всегда отличались от порядков, заведённых у других жителей Российского государства.

И всё это – несмотря на одного царя, единый язык, религию.

Имела место даже определённая отчуждённость казачества – организованного по военным канонам станичной жизни – от остального населения империи.

Различия эти были следствием определённых исторических и социальных условий.

Перед лицом общества казак всегда должен был выглядеть достойно. Трусость, предательство, воровство – об этом могла узнать родня в станице. Тогда позор навеки. Неудивительно, что среди казаков не было дезертиров – в отличие от остальной армии.

Беглый мог уйти на Дон, а донцу куда уйти? Казак всегда в общине, всегда на виду.

В целом, дедовские традиции и жизнь, полная боевых тревог и опасностей, постоянно формировала на степных просторах особый психологический тип мужчин – с детских лет связанных профессионально с военным делом; воинов по рождению и воспитанию; с обострённым чувством «локтя» и «стремени».

В стародавние времена казаки имели собственный флот и в совершенстве владели искусством судовождения. Неоднократно с успехом участвовали они во взятии городов и крепостей, случалось и удачно выдерживать многомесячные осады.

И во все времена казаки считались великолепными наездниками, не знавшими себе равных в искусстве джигитовки.

Военные специалисты по праву оценивали казачью конницу как лучшую в мире лёгкую кавалерию – что она не раз и доказывала в XVIII - XIX веках на самых разных театрах военных действий.

Вот так и сложилось, что казаки – это универсальный род вооружённых сил, как бы своеобразная завеса русской армии, её глаза и уши.

Это и обученная кавалерия, и выносливая пехота – то есть, умело сражались они не только на коне, но и в пешем строю.

И это лучшая разведка, Находясь в постоянном движении, ходили казаки в дозор, нападали на вражеские отряды и обозы. Возникали – атакывали – исчезали. И появлялись вновь.

И – что самое главное – каждый казак был свободным человеком, степи не знали крепостного права.

Вот как характеризовал это воинство один из первых историков Донской земли генерал Александр Иванович Ригельман: *«...острого взгляда, смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы... Болезней мало знают, наибольшая часть умирает против неприятеля и от старости».*

В 70-х годах XVIII века, после разгрома движения Степана Разина, Войско Донское стали вовлекать в военные и внешнеполитические мероприятия Российского государства.

Казаки участвовали в Крымских походах князя Василия Голицына, в Азовских (1695 - 1696 годов), Северной войне, Прутском и Персидском выступлениях Петра I.

В 1796 году на основе Донской команды охраны императора был создан лейб-гвардии Гусарский Казачий полк, чуть позднее разделённый на лейб-гвардии Гусарский и Казачий полки. Тогда же были сформированы Донские конно-артиллерийские роты.

На службу каждый казак являлся со своим обмундированием, снаряжением, оружием, обязательной пикой и двумя лошадьми: одна – верховая, для боя, вторая – для обоза.

А обоз, который у казаков назывался «кошем», был самый мобильный – без телег, только вьючные лошади. Поэтому и перемещался он так же стремительно, как и летучие казачьи разъезды.

В «кошевых» выбирали самых сведущих и смелых, ведь в коше – всё богатство полка!

Ещё раз слово Виктору Безотосному: *«Для коша выделялись самые опытные казаки, и я не знаю ни одного случая, чтобы противник захватывал кош. Хотя искал специально, но не нашёл. Потому что всё самое ценное казаки сохраняли, начиная от питания, от которого зависел полк, кончая тем, что взято в бою. Всё, что было взято в бою, называлось «дуваном». И вот после боя дуван дуванили.*

...У них были своеобразные приёмы. Во-первых, более эффективное несение сторожевой службы, разведочной службы. Потом, перед 1812 годом, были проекты разных военных действий.

И подполковник Черкевич, один из руководителей русской разведки, предложил даже бросить в рейд через герцогство Варшавское, через Польшу на север Германии десять казачьих полков. И он на полном серьёзе говорил: «Им не нужно обеспечения никакого».

Почему? Потому что они сами найдут, как пропитаться, как найти всё необходимое для того, чтобы есть».

Вот такая уверенность!

Что говорить, казаки вписали не одну яркую страницу в ратную летопись страны.

А самую выдающуюся роль, как считают многие историки, это свободолюбивое воинство (и донское – особенно) сыграло в грозные дни испытаний и борьбы России с могущественной империей, созданной одним из самых талантливых полководцев в мировой истории – Наполеоном Бонапартом.

Уже через 10 дней(!) после начала войны казачий отряд Ивана Ефремовича Ефремова взял в плен первого бригадного генерала французской армии.

26 августа фланговый рейд Матвея Платова не позволил Бонапарту ввести в бой гвардию. Роты донской артиллерии майоров Петра Тацина и Акима Карпова прикрывали Багратионовы флеши и подступы к Бородину.

И при освобождении первопрестольной первыми в город вошли донские казаки.

И начальные партизанские отряды в той войне были сформированы тоже из казаков. Сначала – небольшое подразделение у Дениса Давыдова.

А потом Барклай-де-Толли создал на основе донских казачьих полков так называемые «летучие» отряды. Партизанам-казакам местные жители доверяли больше, чем регулярной русской армии – казаки были «одеты по-нашему», а у других форма сильно смахивала на французскую.

После изгнания врага из пределов России «летучий корпус» под командованием своего вихорь-атамана Платова участвовал в освобождении народов Западной Европы от наполеоновского ига.

В декабре 1812 года донские казаки первыми перешли границу и, продолжив преследование, в конечном счёте, так же одними из первых – 19 марта 1814 года – вошли в Париж.

Вот так, за два года: от Дона – до Сены.

Как и любая другая, Отечественная война явилась тяжёлым испытанием для русского народа и государства.

В вооружённых силах России насчитывалось тогда 65 донских полков. Это около 40 тысяч солдат (при всём населении Войска Донского чуть более полумиллиона человек). Половина из них входила в состав русских расположений вдоль западной границы. Кроме того, 10 полков несли дозор в Дунайской армии. Остальные донские полки находились на пограничной службе в Финляндии и на Кавказе.

Уже с середины весны русскому командованию стали поступать многочисленные агентурные сообщения; а также свидетельства местных жителей, путешественников и посланных за границу казаков-разведчиков.

Речь шла о передислокации французских войск, подвозе продовольствия, снаряжения и боеприпасов к границе с Россией. И о подготовке плавсредств.

Главные силы армии Наполеона (440 тысяч человек при 900 орудиях) располагались вдоль Вислы и были нацелены на города Ковно (Каунас) и Вильно (Вильнюс).

Начать разгром планировалось с 1-й и 2-й Западных российских армий.

11 июня французские войска приступили к наведению понтонных мостов через Нёман. Одновременно более 300 польских улан переправились на русский берег с целью проведения разведки и рекогносцировки местности.

На следующий день лучшие части «Великой армии» численностью в 218 тысяч солдат и офицеров при 527 орудиях под личным командованием императора переступили границу России.

И первые, с кем они столкнулись – разъезд донских казаков!

6 июля правительство обратилось с призывом ко всем губерниям собирать народное ополчение для борьбы с врагом.

Призыв давал ограничения, но желание донцов защищать своё Отечество было столь велико, что кроме выставленных казачьих полков в действующую армию по царскому указу, на Дону стало формироваться ещё и своё собственное ополчение. Шло оно в обстановке особого патриотического подъёма. Записывались отслужившие срок отставники и безусые юнцы.

К примеру, казак Степан Чурилов, отдавший оружие около 30 лет, одним из первых записался в ополчение и воевал *«с неустрашимостью»*. Так же храбро сражался с захватчиками и 15-летний Коля Кузьминов.

И, хотя, далеко не все казаки могли позволить себе роскошь специальной экипировки, получилось 26 полков (это почти 15 тысяч казаков). В том числе два полка, собранные по приказу атамана Матвея Ивановича Платова от 26 июня – то есть за две недели до царского призыва.

В резерве на Дону осталось (до особого распоряжения) ополчение, снаряженное донским дворянством из своих крестьян – более трёх тысяч полностью экипированных ратников.

«В совершенной готовности к выступлению» стояли на Дону два рабочих полка (которые до того занимались строительством Новочеркасска), а также *«шесть орудий конной артиллерии, укомплектованные по штату людьми, зарядами и прочими принадлежностями сполна»*.

И ещё – практически все жители Дона, не только дворяне – внесли очень существенный вклад в общую сумму пожертвований на нужды военного времени.

А вся русская армия, стараясь избежать окружения, с тяжёлыми боями отступала к Смоленску.

И именно донские полки стали надёжным щитом, прикрывавшим этот летний отход.

В соответствии с приказом Барклая-де-Толли донские казаки должны были *«узнавать заблаговременно о всех неприятельских мероприятиях, беспокоить неприятеля денно и ночью, действовать ему в тыл и во фланги, стараться овладеть его транспортами и истреблять в тылу неприятельском всё, что только может поспешествовать его действиям, отнимать у неприятеля все способы к продовольствию»*.

А генерал Пётр Иванович Багратион 22 июня писал Платову: *«Я вас прошу занимать неприятеля, беспокоивая его отовсюду до того времени, когда я в состоянии буду, подкрепляя вас, обеспечить соединение ваше и моё с 1-й армией»*.

Таким образом, на полки донцов возлагалась сложная задача – прикрывать отступление 1-й и 2-й русских армий. И они вели арьергардные бои с противником, постоянно изматывая его силы – совершали лихие кавалерийские рейды в тыл врага и атаки на фланги; а также нести аванпостную, сторожевую и разведывательную службу.

Одновременно занимались эвакуацией припасов, оружия, амуниции, раненых, аптек, казны. И сопровождали обозы.

Вот так, действуя в арьергарде основных сил русских войск, казачьи части Платова, Иловайских, Ивана Козьмича Краснова не позволили противнику приблизиться и навязать свои условия боя.

А лейб-гвардии казаки полков генерал-лейтенанта Фёдора Петровича Уварова и генерал-майора Василия Васильевича Орлова-Денисова первыми встретили французов у Немана под Ковно и последними покидали Вильно.

15 июля в сражении под Витебском *«лейб-казаки первые ходили несколько раз в атаку. В одной из них отборные донцы налетели на батарею, возле которой стоял Наполеон, и произвели такую тревогу вокруг его, что он остановил на некоторое время свои действия»*.

Лейб-гвардии Казачий полк сражался у Соловьёвой переправы, при Валутиной горе, отличился при Бородине, сражался у Тарутина, где его командир Орлов-Денисов *«вёл себя самым блистательным образом»*.

В это время и платовцы одержали первые победы. Это сражения у населённых пунктов Мир, Рудня, Романово, Красново.

Большой успех пришёл к донским казакам 27 июня.

До этого в многочисленных стычках с противником они уничтожали его аванпосты, разведчиков и фуражиров, захватывали обозы, но никогда не участвовали в крупных операциях.

Сейчас же против них одновременно выступали бригады польской, вестфальской и саксонской кавалерии.

В этом бою донцы применили испытанный приём – «вентерь», неоднократно приносящий им успех.

По обе стороны пути вражеского наступления в засаде скрывались хорошо подготовленные и вооружённые казаки, перед фронтом противника выставлялся небольшой авангард, за которым неприметно располагались основные силы и резервы. Теперь главная задача состояла в том, чтобы заманить врага в заранее приготовленную ловушку.

Так вот. Утром 27 июня передовые части польской кавалерии генерала Александра Рожнецкого наткнулись на казачьи посты. В результате скоротечного боя опрокинули их и погнались за казаками по дороге к деревне Мир – в надежде на лёгкий и быстрый успех. Эйфория и клубы пыли застигли всё!

А в деревне – засада.

Первым в бой вступил полк Василия Алексеевича Сысоева 3-го, к сысоевцам вскоре присоединились и главные силы – подоспевшие из соседней Симаковки полки Платова.

Как отчаянно поляки ни сопротивлялись, всё окончилось беспорядочным бегством. А бросившиеся им на выручку французы были попросту смяты самими же поляками. Да и беспрестанно кружившие вокруг донцы своими длинными пиками загоняли противника в болото и сбивали с коней.

Более 15 вёрст казаки преследовали французов. Французы недосчитались здесь 300 убитыми и тысячу ранеными. А в плен попало 248 солдат и 13 офицеров.

На следующий день противник решил взять реванш, и усиленная польскими уланами французская кавалерия снова выступила к деревне Мир.

Здесь, в засаде их и поджидали платовцы. Наученные горьким опытом, французы не кинулись вдогонку за отступившими аванпостами казаков, а остановились в поле.

Платов, поняв, что в этот раз ловушка не удалось, атаковал их «лавою», охватывая со всех сторон и отрезая путь к отступлению. Подоспевшие на помощь части под командованием Дмитрия Ефимовича Кутейникова 2-го и Иллариона Васильевича Васильчикова завершили разгром французской кавалерии.

Теперь противник оставил на поле боя уже свыше 600 человек убитыми.

«Поляки были смяты и опрокинуты. К совершеннейшему поражению их способствовал также неожиданный случай: появление генерал-майора Кутейникова; возвращаясь с бригадой из дальней командировки, он пришёл во время дела на поле сражения в тыл неприятелю и тотчас пустился в атаку. Рассеянные остатки полков Рожнецкого спаслись бегством, оставив в наших руках много пленных».

Пленённый и прощённый затем генерал Рожнецкий остался на службе у русского царя.

Победа при поселениях Мир и Романово позволила 2-й русской армии произвести перегруппировку войск и организованно отступить к городу Несвижу.

О бое под Романово атаман доносил князю Багратиону: «...последнее дело сие... продолжалось более часу, и неприятель не выдержал нанесённого ему удара...»

1 июля Багратион приказал Платову, «употребив все средства, остановить неприятеля».

А 22 июля 1-я и 2-я русские армии наконец соединились в Смоленске, разрушив так любовно вынашиваемый план Наполеона разбить их поодиночке.

Через месяц после Мира, в Смоленском сражении 27 июля казаки Платова разгромили авангард конницы маршала Иоахима Мюрата у села Молево Болото.

Как сообщал Матвей Иванович, неприятель был «храбростью русских войск совершенно опрокинут и преследован с большим поражением», потеряв половину кавалерийского корпуса, в том числе пленными более 300 человек.

А потом была битва на Бородинском поле.

5 октября Войсковой атаман Матвей Иванович Платов докладывал письменным рапортом фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Кутузову о том, что практически все казачьи полки пере-дислоцированы для дальнейших действий.

Вот только некоторые из этих дальнейших.

13 октября казачий отряд под командованием генерала Алексея Васильевича Иловайского 3-го под Малоярославцем разбил неприятеля «с жестоким поражением» и отбил у него 11 пушек.

В это же время отличились донские казаки генерала Кутейникова 2-го под городком Боровским и полковника Григория Дмитриевича Иловайского 9-го под Медынью.

27 октября казаки генерал-лейтенанта Андрея Дмитриевича Мартынова с ходу преодолели реку Выпь, разгромили неприятеля и захватили 23 орудия.

Через месяц мартыновцы разбили французов у села Зембино и захватили более 30 орудий.

А в начале ноября донцы под командованием генерала Дмитрия Евдокимовича Грекова 1-го одержали победу у деревни Красново, трофеи – 80 орудий.

В это же время казаки Василия Тимофеевича Денисова 7-го разбили неприятеля у деревни Хохлово, отбив 26 пушек и взяв большое число пленных.

И таких примеров героизма донских казаков можно привести сотни.

Но цена такого героизма, таких побед слишком высока.

Русская армия была измотана и истощена.

Мы отмечаем 200-летие с того знаменательного дня.

На тему войны 1812 года исписаны тонны бумаги, сняты самые различные фильмы, защищены сотни диссертаций.

И не все историки позапрошлого, прошлого и нынешнего веков признают правильность стратегии и тактики в армии российского императора Александра I.

Доказывают, что и Кутузов ошибался. Не надо было оставлять Москву. К Платову, опять же, относился не совсем адекватно.

А ещё никто толком не может объяснить, почему Наполеон отправился завоёвывать Москву – обычно все стараются захватить столицу. И до Санкт-Петербурга, собственно, было бы добраться проще...

Что можно доказать через 200 лет?

Если даже до сих пор не приведена в порядок бесконечная неразбериха в датах старого и нового стиля.

Если многие командиры по-русски своё имя правильно написать не могли. И, хотя (в приступе патриотизма) в свете тогда было решено срочно перейти на всё отечественное, язык за неделю не выучишь. И за месяц.

Поэтому и рапорты многие написаны на французском.

Потом они потерялись. Остались не вполне качественные переводы.

И если в рапортах (даже написанных по-русски) просто стоит: «Иловайский 1-й», «Иловайский 2-й», «Суворов 3-й», и совершенно непонятно кто же из них кто? Но об этом – чуть позже.

Предполагать можно всё.

Доказать – уже ничего.

Так что будем верить, что только стремление сохранить армию для будущих боёв за освобождение России от наполеоновских полчищ принудило Михаила Илларионовича оставить Москву.

Русская армия отошла в Тарутино – на отдых и подготовку к контрнаступлению.

А в период этого контрнаступления и последующего изгнания врага из России в авангарде русской армии снова шли донские полки – Кутузов приказал корпусу Платова преследовать врага «с опережением и ударом в головы колонн и фланги», создавать для него «крайнее положение, лишив большей части артиллерии и обозов».

После сдачи Москвы Матвей Иванович занимался созданием новых объединений на Дону. Не прошло и месяца, как 26 полков поступили в резерв главного командования.

21 декабря было официально объявлено об окончании Отечественной войны в нашей стране.

Далее русские войска вступили в Пруссию, где они преследовали отступающие наполеоновские отряды «для спокойствия всей Европы».

«Велики были заслуги донцов за эти полгода. Они истребили более 18000 врагов, взяли в плен 10 генералов, 1047 штаб- и обер-офицеров и около 40000 нижних чинов. Знамён отбито 15, пушек 364 и 1066 зарядных ящиков.

Но недёшево достались эти успехи. Многие полки, в тысячном составе вышедшие от Нёмана в июне, дошли на тот же Нёман в декабре в составе 150 человек.

Донцы гибли в боях, гибли от ран, от болезней, от холода и голода. Преследуя армию Наполеона по пятам, они испытывали все те ужасы, которые выпали и на долю неприятеля», - так отозвался об этих событиях в своём обстоятельном исследовании «Донцы и Платов в 1812 году» генерал Русской императорской армии, атаман Всевеликого Войска Донского, военный и политический деятель, известный писатель и публицист Пётр Николаевич Краснов.

В своём предписании к Матвею Платову (№ 39 от 8 января 1813 года) фельдмаршал Кутузов отмечал: «Одному деятельному преследованию вашему обязаны мы падению городов: Элбинга, Мариенбурга, Мариенвердера и Нейнбурга. За дисциплину же, сохраняемую в войсках ваших, приношу вам мою совершенную признательность, о чём и в общем приказе по армии отдано».

А в частном письме (от 17 января) отозвался так: «Почтение моё к Войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение кампании 1812 года, которые были главнейшей причиной к истреблению неприятеля. ... Сие чувство завещаю я и потомству моему».

О негативном отношении уже не поминается.

Ко всем российским неприятностям французов нещадно донимали партизаны.

В сентябре 1813 года Наполеон дал генералу Шарлю Лефевру-Денуэтту поручение покончить с этой заразой.

В помощь партизанам срочно были направлены 7 казачьих полков, в том числе Атаманский, *«дабы подать случай сим полкам явиться в новом блеске»*.

Командовал своим Атаманским полком сам атаман. 16 сентября его авангард атаковал неприятеля: *«...французы, едва заметив появление графа Платова, начали отходить к Цейцу, куда достигли с большою потерей»*.

Мощный конный отряд Лефевра был разбит. Потери – 5 пушек, 3 знамени и пленными – 55 офицеров и 1380 рядовых.

«Так одним решительным ударом граф Платов рассеял отряд, назначенный Наполеоном для отражения тыла армии от набегов наших лёгких войск».

В обширном рапорте фельдмаршалу Платов докладывал: *«За остатками же неприятеля, оставившими Ковно, велось преследование до Волковийска; взято 3 орудия и большое число пленных, отличился полковник Ефремов. В городе Ковно и в преследовании до Волковийска положено до 10 тысяч рядовых и 496 штаб- и обер-офицеров. Итак, из большой армии неприятеля из всех разных корпусов не более упущено как до двух тысяч человек»*.

Донские казаки покрывали свои знамёна героизмом и славой уже за пределами России. Они прошли Европу полями сражений, особенно отличившись 6 октября 1813 года в Лейпцигской битве (союзники против войск Наполеона).

Отчаянный Василий Орлов-Денисов повёл донцов на французских кирасир, опрокинул их – и тем выручил русскую лёгкую гвардейскую кавалерию, атакованную неприятелем на марше.

А платовцы со своим вихорь-атаманом, в ходе этой грандиозной битвы народов, взяли в плен целую кавалерийскую бригаду – 6 батальонов пехоты и 23 орудия неприятеля!

Через полгода, 18 марта 1814 года союзники вступили, наконец, в Париж. Отечественная война и заграничные походы русской армии победоносно окончены.

19 марта донские казаки устроили свой походный военный лагерь прямо на Елисейских полях. По словам генерала Ермолова, они сделались *«удивлением всей Европы»*.

В 1813 году пяти Донским казачьим полкам были пожалованы Георгиевские знамёна, а в 16-м – двум Донским полкам – знамёна с надписью «За отличие».

19 ноября 1817 года всему Войску Донскому было пожаловано Георгиевское знамя *«в ознаменование подвигов, оказанных в последнюю французскую войну, в 1812, 1813 и 1814 годах»*.

По достоинству оценив авторитет и боевой опыт донских старшин и казаков, правительство России стало использовать эти качества для укрепления армии и развития иррегулярных войск.

Стратегия партизанской войны и борьбы донцов с наполеоновской армией пригодилась на Кавказе, в русско-иранской и русско-турецкой войнах.

Иловайские, Сысоев, Карпов, Орлов-Денисов, Константин Иванович Харитонов и многие другие донские генералы и офицеры руководили рейдами казаков в районы Чечни и Дагестана, участвовали в боях против иранских войск Аббас-Мирзы, турецких войск при крепостях Карс, Ахалцих и Баязет, во взятии Нахичевани и Эривани.

Кавказская война выдвинула в число выдающихся командиров русской армии походного атамана донских казачьих полков на Кавказской линии генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова (о нём рассказано в другом сборнике библиотеки «Для чести края нашего»).

И не было бы, наверное (без опыта тех битв) в списке прославленных генерал-майоров, таких имён, как Иван Иванович Жиров, Степан Алексеевич Леонов, Григорий Иванович Сергеев, Иван Иванович Шамшев, Алексей Антонович Ягодин.

И многих-многих других.

А теперь давайте вернёмся к Иловайским – 1-му и 2-му.

Именно казачий атаман – полковник по станицам – в случае войны набирал свой полк. Полки не попадали под армейскую нумерацию, а получали свои названия по имени командира. Так и возникла неразбериха, которая не разрешается вот уже 200 лет.

Дадим ещё раз слово Виктору Безотосному: *«Это такой социальный слой, который поставлял командные кадры. Скажем так, казачья аристократия. И там было огромное количество Лавайских, Грековых. Как правило, они назывались – Донской казачий Барабанищкова 2-го полк, Донской казачий Поздеева 2-го полк, Донской казачий Гревцова 9-го полк.*

Некоторые полковые командиры гибли, кто-то заболел, кто-то выходил в отставку, и потом некоторые полки сливались».

Вот такая существует путаница в казачьих полковых командирах. Трудно сказать что-либо наверняка.

Но есть один казачий полковой командир, о котором сказать можно многое.

Бойцы шли на гибель с его именем на устах – это за 150 лет до Иосифа Сталина.

Это имя мы уже упоминали.

Матвей Иванович Платов.

Как-то англичане попросили рассказать о российской тактике ведения боёв платовца Александра Земленухина – он был в составе российской делегации с сообщением о низложении Наполеона.

Казак честно и бесхитростно поведал: *«Я, великие генералы, не учён наукам, по которым воюют, я держусь природных обычаев наших отцов и знаю, как наш любезный и высокочтимый Матвей Иванович наставляет: бить врага беспощадно, изнурять его денно и ночью, с тылу, спереди и со всех боков тревожить его.*

Предостерегать себя от неожиданных нападений и стараться неизвестною неприятелю хитростью узнавать его силу.

А главное – ни за какие деньги не уступать пяди Родины нашей!

А и чужого нам не надо, а и своего не отдадим!

А нужна чужеземцам помощь, будем им помогать в нужде, вот русский обычай!

А благословением Божиим у нас называется то: кто умирает в кругу своего семейства или на поле сражения за свою землю.

Вот в чём состоит наше общее блаженство!»

Эти слова одного старого воина – прекрасная характеристика всего русского воинства.

Особенно понравилось британцам, что в наших обычаях помощь оказывать и ничего взамен не просить!

Бывает же такое... Не надо чужого русскому человеку!

Давайте коснёмся здесь некоторых фактов биографии платовца Александра Григорьевича Земленухина. Его времяпрепровождение в Лондоне – тоже, как пример отношения британцев к русскому человеку.

Если верить сети «интернет», то окажется, что по количеству посвящённых ему публикаций этот рядовой казак опередил многих генералов из Военной галереи Зимнего дворца.

В XIX - начале XX века ему посвящали газетные и журнальные статьи и даже отдельные брошюры. Но известность пришла к нему не на поле сражения, а благодаря курьёзности события, главным действующим лицом которого он оказался.

Пожалуй, именно к Земленухину лучше всего подходит пушкинская строка – *«нечаянно пригретый славой»*.

Вот строки из письма генералу Михаилу Воронцову от его отца, русского посла в Англии, графа Семёна Романовича: *«Он (штаб-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка Тимофей Егорович Бок – ред.) привёз сюда казака, который вызвал величайшую сенсацию в этом городе и его окрестностях, откуда приезжают люди, чтобы на него посмотреть»*.

Этот славный казак – один из тех седобородых старцев, отслуживших и мирно живущих у себя, пока опасность, нависшая над их страной, не заставила их вскочить на лошадей и прибыть в Главную квартиру в Тарутино в количестве 20 полков. Два сына бравого старика служат в армии.

Его зовут – Александр Григорыч Земленухин. Это чудо, что он не заболел, поскольку не отдыхает с утра до вечера, его приглашают со всех сторон, все хотят его увидеть, и он сильно утомлён. Лорд-мэр и старейшины города дали по этому случаю обед.

Ему делает честь то, что он отказывается от денег и других подарков, которые ему желают поднести. Он принял только саблю, изготовленную кем-то из города специально для него, на клинке которой выгравировано имя этого славного казака. А также одну маленькую золотую цепочку, подаренную ему леди Вильям Гордон, сказав, что он отдаст её своей жене на Дону. А также он принял прекрасную саблю, красиво отделанную, которую ему подарил принц-регент».

Вообще, оружия надарили – на десятерых.

Остановился платовец в доме издателя Акермана, тот тоже презентовал постояльцу саблю. Турецкую! *«Подарена Александру Земленухину, донскому казаку Сулина полка, от Рудольфа Акермана, Лондон, 20-го апреля»*.

Посетил казак торгово-военное общество «Lumber Troop» – тут же приняли в члены, вручили пару пистолетов и выбили по этому случаю круглый медальон с его погрудным изображением.

А вот какие впечатления оставил в своих мемуарах дипломат Апполинарий Петрович Бутенёв: *«Самые знатные английские аристократки наперерыв приглашали его к себе, чтоб одарить ценными подарками, цепочками, кольцами, пистолетами в дорогой оправе, которые наш казак с удивлением, но очень охотно принимал, выражая свою признательность забавными пантомимами»*.

Когда ему случалось сопровождать верхом своего офицера на гулянье в Гайд-парке, толпа встречала его криками ура; а на обеде, данном капитану Боку английскими негодьями, его непременно хотели заставить идти впереди его начальника – до такой степени наши героидонцы были в то время популярны в Англии.

Этот казак удостоился даже такой чести, что мог видеть свой, очень хорошо литографированный, портрет не только в окнах магазинов, но даже в частных домах».

Даже четверть века спустя рассказывали в Англии любопытный анекдот о том, как однажды казака зазвали на театральную сцену и ему пришлось станцевать!

И вроде бы даже эпизод этот дал повод к созданию балета «Казак в Лондоне» – его премьера на петербургской сцене состоялась 3 ноября 1813 года.

Вот такой вот фурор – дань уважения русским иррегулярным войскам, в том числе Донскому ополчению, отличившемуся в войне с Наполеоном.

А наиболее ярко признательность англичан проявилась на следующий год, когда в Лондон приехал сам Всевоёйсковой атаман.

Хотя, об этом человеке мы рассказывали в сборнике «Новый Черкасский стольный град», его заслуги дают нам право повториться.

Ведь (хотя и его личность историки оценивают по-разному) донские казаки всегда признавали, что без атамана Платова столько побед на их счету никогда бы не значилось.

*

ЗАРЕЙНСКО-ДОНСКОЙ АТАМАН

*Дорогою не было проезда от англичан:
везде кричали «ура», а женщины на скаку
подбегали к коляске пожать руку.
Миндальные пироги на столе и окна в домах –
украшены именами Платова и Блюхера.*

«Русская старина». 1896. № 4.

В следующем, 2013 году будет отмечаться 460-летие установлений регулярных государственных и торговых отношений между Россией и Англией. На протяжении веков они претерпевали и взлёты, и падения, но всё время эти страны живо интересовались друг другом.

По словам философа Николая Лосского, *«политический климат в Англии, пользование правом убежища, сами хозяйственные её успехи вызывали восхищение русских»*. Англomanия в Царской России служила средством выражения оппозиционного настроения. Для русских Англия была воплощением и свободы слова, и передовой технологии.

Пушкин писал своему другу Петру Вяземскому: *«Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. Мы живём в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, англ. журналы... то моё глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство»*.

Сильно досадили, видать, соотечественники на тот момент Поэту; но высказывание такое, скорее всего, мимолётно.

Что Россию Александр Сергеевич любил, спору никакого; хотя вроде и масоном был.

А из современных впечатлений – нельзя не вспомнить чудесные книги Ларисы Николаевны Васильевой «Тайна времени» и Всеволода Владимировича Овчинникова «Корни дуба».

Многие русские путешественники обязательно посещали одну из мировых столиц, и оставляли нам «свой Лондон». И не только путешественники.

Карл Маркс как-то обмолвился, что *«Лондон громоздился над Темзой первым буржуазным мегаполисом – Левиафаном, когда Париж был ещё грязной полудеревенской ареной для монархической клоунады, а Нью-Йорк – вонючим посёлком рыбаков-пуритан. Лондон – город, побуждающий к постоянному вопрошанию себя о том, кто ты, зачем ты и почему ты здесь?»*

Можно с этим высказыванием классика соглашаться, можно не соглашаться, но то, что столица Объединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии – град мудрый, красивый, необычный и для туристов в высшей степени притягательный, сомнению не подлежит.

200 лет назад посетил град сей наш с Вами соотечественник Матвей Иванович Платов.

Вот и давайте выясним по Марксу: зачем и почему?

Донской писатель и историк Михаил Павлович Астапенко считает, что самый популярный герой казачьих песен и легенд в XIX веке – атаман Платов.

В народе пели, к примеру, так:

*От своих чистых сердец
Совьём Платову венец.*

Но и лучшие российские поэты не забывали о нём в своём творчестве.

Гавриила Романович Державин:

*Плат`ов, Европе уж известно,
Что сил Донских ты страшный вождь.
Врасплох, как бы колдун, всеместно
Ты с туч падёшь, как снег, как дождь.*

А это – мнение Василия Андреевича Жуковского:

*Хвала, наш Вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.*

И – на фоне литературных мэтров – 15-летний Саша Пушкин:

*Бутылки, рюмки разобьём
За здравие Плат`ова.
В казачью шапку пуни нальём –
И пить давайте снова!*

Даже здесь, сравнивая эти три маленьких отрывка, понимаешь, насколько перо Пушкина – уже в юности – красивее, изящнее, легче, чем у представителей старшей школы!

Но у нас речь о Платове.

Слава этого человека была поистине всенародна. Ему безоговорочно приписывали даже чужие походы и подвиги.

Эта популярность и любовь, интерес казаков и не-казаков к генерал-лейтенанту от кавалерии Всевоисковому атаману Войска Донского графу Матвею Ивановичу Платову – по сей день самая большая его загадка. Но это в России, на Родине.

Но ведь такая же любовь и популярность были и за рубежом!

А в Англии – вообще совершенно не с чем ни сравнимый триумф.

Ещё на полях сражений 1807 года, Платов подружился с британским представителем в русской армии сэром Робертом Томасом Вильсоном. Благожелательные и лестные отзывы Вильсона о донцах постоянно публиковались на страницах зарубежной прессы.

Так что, Матвея Ивановича давно знали на Британских островах и с нетерпением ждали приезда. А в преддверии везде развешивали картинки с изображением «зарейнско-донского» атамана.

И встречали – как величайшего героя.

Англичане считали Наполеона своим злейшим врагом, а за зарейнско-донским атаманом (точнее, даже впереди него) неслась слава наполеоновского победителя.

И по сей день, кроме Платова, только один россиянин удостоился в крайне сдержанной Британии подобных почестей.

Это Юрий Алексеевич Гагарин.

Принц-регент Георг выразил восторг по поводу боевого атаманского коня Леонида. Матвей Иванович широким жестом подарил Георгу своего любимца. А Георг преподнёс атаману собственный портрет, алмазные часы и алмазную же табакерку.

К слову сказать, ранее подобную табакерку презентовал донскому атаману император Франции Наполеон Бонапарт.

А любимый конь едва не лишился своего чудесного украшения. Сохранились свидетельства, что на память о легендарном атамане даже сверхчопорные английские леди старались вырвать из гривы и хвоста Леонида хоть один волосок.

Невозмутимые англичане на сей раз изменили своей национальной черте и наперебой громко восхваляли подвиги Платова и его казаков.

Астапенко пишет, что земляк наш не успевал следить за всеми приглашениями. Чтобы не обидеть, например, театральные общества, объезжал все спектакли по очереди. Едва он появлялся в ложе, о представлении забывали; и все, включая артистов, стоя приветствовали высокого гостя. Пробыв полчаса в одном театре, Платов спешил в другой. И вся церемония повторялась.

Его наперебой приглашали частные лица.

Плюс – нескончаемые официальные визиты.

Выдержка нужна не меньшая, чем на поле боя!

Он и сам удивлялся восторгам англичан. Где бы ни появлялся, раздавалось: *«Виват, Платов!!!»*

Покою не было и в покоях. Лишь атаман выглядывал во двор, его тут же окружала, как бы мы сейчас выразились, многочисленная толпа фанатов.

Три дня в Лондоне жгли иллюминацию, высвечивая имена Кутузова, Платова, Блюхера... А однажды ликующие поклонники после церковной службы на руках донесли Матвея Ивановича до кареты.

Особая честь от военных: на воду был спущен новейший 85-пушечный корабль военно-морских сил Великобритании «Граф Платов».

А знаменитый Оксфордский университет присвоил ему звание почётного доктора права с вручением диплома и мантии. Хотя полученное им образование было весьма скромным, как напишут впоследствии в биографии: *«Его школой было поле, университетом – война»*.

Но, по-видимому, право – это такая область, в развитие которой и атаманы могут внести свой вклад.

От поэтов – стихи; художники писали портреты; именитые европейские гравёры чеканили медали и медальоны; а хозяйки... хозяйки выпекали пироги, украшенные его вензелем.

Во время традиционных скачек в Аскоте на старт вывели нетерпеливых красавцев по имени «Кутузов», «Барклай», «Блюхер» и «Платов».

Остаётся только удивляться, когда же успели этих коней вырастить? Или прозорливые англичане их назвали так авансом?

А принц-регент подписал указ о создании небольшой портретной галереи наиболее выдающихся полководцев союзнических армий. И тут атаману отличие, точнее, не только атаману.

Подписано: «HETMAN PLATOFF». А «HETMAN» изображён верхом – на своём Леониде.

Этот двойной портрет повесили в королевском дворце.

Лондонская галерея донских казаков – от рядового до атамана – явление уникальное. Даже на родине они не удостоились такой чести.

Известны, к примеру, пять английских портретов Платова – больше, чем в России за всю его жизнь.

Отрадно, что в последние годы эти портреты донцов-удальцов открываются заново, они становятся известными широкой публике, а одно из платовских изображений приобрёл Фонд культуры для Новочеркасского музея истории донского казачества.

Пример Англии подхватили и другие европейские страны – наладили выпуск фарфора, ковров и украшений с изображениями донцов-удальцов.

А Лондонское общее собрание всех сословий решило особо отличившимся фельдмаршалам в знак признательности преподнести именное оружие. И тут выяснилось, что собрание опростоволосилось: Платов-то, оказывается, не фельдмаршал...

Но свой роскошный клинок он получил наравне с вышестоящими Кутузовым, Барклаем-де-Толли, Блюхером и другими. Сабля эта являла собой настоящее произведение искусства, а вручал её сам национальный герой Англии герцог Артур Веллингтон.

А Александру I лондонские оружейники подарили миниатюрную стальную блоху со сложным внутренним механизмом. Горячо любивший всё русское Платов заявил, что наши мастера не уступят в знании своего дела.

В России крошку-блошку отвезли в Тулу с поручением утереть англичанам нос. По легенде, тульские умельцы не только решили подковать «*британскую диковинку*», но и поставить на каждой из – практически невидимых человеческим глазом – подковочек своё имя.

Предание это чудесным образом обыграл замечательный русский писатель Николай Семёнович Лесков. И от себя добавил гордости за Россию.

В повести блоху подковывает Левша! То есть, у нас не только правши, а даже левши способны на такие виртуозности! Трепещите, иноземцы! Россиянину сам чёрт не брат!

Россиянины, а особенно, платовцы, способны на многое...

Например, вот, сохранились рассказы о предприимчивом ординарце атамана. Шустрому казачку с Дона очень понравилось ходить по британским гостям. И он начал самостоятельно наносить визиты от имени генерала. Очень уж импонировали непринуждённые файф-о-клоки.

Иностранцы захлёб слушали мюнхгаузенские басни ординарца, верили всему и были страшно горды подобным знакомством.

Узнав об этом, Платов смеялся до слёз, но незваного английскими хозяевами гостя всё-таки наказал.

Как же популярны были в Европе донцы, если знаменитый английский поэт-романтик и бунтарь лорд Джордж Байрон загадочно улыбаясь, говорил, что он тоже казак!

А ещё такому восторженному приёму в Англии знаменитый генерал от кавалерии Матвей Иванович обязан другому знаменитому английскому писателю – сэру Вальтеру Скотту.

Годом раньше Скотт побывал в занятом союзными войсками Париже и познакомился с генералитетом. Особенно восхитил его Платов. Они подружились.

Ещё до окончательной победы над Наполеоном романист искренне радовался военным успехам русской армии и верил в разгром французов.

«Позвольте приветствовать вас, - писал он своему другу Джорджу Эллису, - с возрождённой славы наших прекрасных друзей русских. Клянусь Богом – это наиболее знаменитая их кампания».

Писатель, восхищённый подвигами, интересовался не только личностью знаменитого атамана, но и рядовыми казаками, вынесшими на своих плечах все тяготы войны.

Во время долгих дружеских застолий Платов рассказывал о многих необычных эпизодах и мелких подробностях из истории сражений.

А однажды атаман совершенно неожиданно для себя встретился с романистом прямо на улице. Скотт степенно прогуливался по одной из парижских рю. Услышал за спиной топот, оглянулся и – в ужасе вжался в стену. На него во весь опор неслась группа казаков!

Виртуозно остановив коня в полуметре от стенки, предводитель этой кавалькады весело обнял и расцеловал перепуганного писателя.

А потом снова вскочил в седло, и умчалась кавалькада по гулкой мостовой парижской улицы.

Вот так! НЕТМАН есть НЕТМАН!

В дальнейшем знаменитый романист, увлечённый эпохой наполеоновских войн, напишет «Историю жизни Наполеона», в которой восторженно опишет участие донских казаков в сражениях против французов.

Справедливости ради надо отметить, что в этой книге будет много ошибок. К примеру: *«Платов следовал за 2-ой армией с 20-ю тысячами детищ пустыней»*. В то время, как на самом деле атаман имел в своём распоряжении всего 9 тысяч всадников (и «детищ» скорее степей, а не пустыней!) и принадлежал 1-ой Западной армии.

Скотт объявляет, что уже в сражении при Мире Платов открыл партизанскую войну против Наполеона. В действительности это произошло позднее.

А, описывая нападение казаков на французов возле Городни, Скотт расценивает это как мародёрство.

Уж чего-чего, а мародёрства в армии у генерала от кавалерии Платова не было никогда!

Позже на все эти и другие неточности, допущенные им в произведении, Вальтер Скотт получил скрупулёзные и тактичные замечания известного партизана и поэта Дениса Васильевича Давыдова.

О том, какие чувства пробудили в душе романиста встречи с атаманом, можно судить по отрывку из его сочинений: *«Вид истинного казака предубеждает в его пользу. Черты лица его благородны, в глазах блестит огонь мужества и целеустремлённости»*.

За границей за Матвеем Платовым закрепилось имя гетмана, его величали даже принцем!

Существует легенда, что донской «принц» привёз себе из заморских стран не знавшую ни слова по-русски *«в супружницы деву аглицкую Елисавету»*.

«Я скажу тебе, братец, это совсем не для хфизики, а больше для морали. Она добрейшая душа и девка благонравная, а к тому же такая белая и дородная, что ни дать, ни взять – ярославская баба».

На поверку Элизабет оказалась Мэри и законной супругой не была. У Платова это получался бы уже 3-й брак, чего в те годы не позволялось. Остались кое-какие свидетельства об опеке атамана над английской сиротой.

Больше, собственно, доподлинно ничего не известно, кроме того, что со временем дева возвратилась назад в свой туманный Альбион.

Писателям-романтикам для творчества – *tabula rasa!*

А ранее у этого «принца» – «детища донских степей» – завязались дружеские отношения с королевской четой Пруссии – сохранилась переписка.

Но вот к французам и их императору донской вождь так и не смог преодолеть предубеждения. Не верил он и в искренность русско-французского союза.

После заключения Тильзитского мира французский император захотел увидеть знаменитого атамана. Платова представили – и Бонапарт был просто сражён казачьим искусством стрельбы из лука. Он очень заинтересовался этой тактикой – и вот тогда-то и одарил гостя роскошной бриллиантовой табакеркой с собственным портретом.

Матвею Ивановичу, дабы не остаться в долгу, пришлось расстаться со своим роскошным луком.

Но французский император для донского атамана навсегда остался прежде всего врагом – «злодей, шельма Наполеонов король».

А в Англии – в довершение ко всему – донскому принцу предложили британскую столицу в качестве постоянного места жительства...

Тут он даже оскорбился, но отказал вежливо: «Что советь мне тогда скажет? Я – душою росс...»

Может быть, то, что, как утверждал Земленухин – не надо ничего чужого русскому человеку – и было самым главным в таком восторженном отношении чужеземцев к нашему атаману, а может, и не это.

А может, сам он, того не ведая, обладал притягательной магической энергией и был очень обаятельным человеком.

Кто знает?

Вот и выяснили мы, вроде бы, по Марксу: кто такой Платов, зачем и почему в английской столице оказался.

А загадка этого человека так неразгаданной и осталась.

Давайте кратко вспомним основные деяния нашего прославленного земляка.

«Украсивший сам седую главу свою венцом славы», - эпитет этот взят из боевой реплики князя Петра Ивановича Багратиона императору Александру I о действиях атамана Войска Донского на берегах Дуная в сентябре 1809 года.

Слава казака гремела.

А выпала она на долю (родившегося 8 августа 1753 года) сына казачьего старшины не случайно. Способный отрок был определён на службу в войсковую канцелярию и вскоре за «сметливость и остроту ума» стал урядником. Служба его в действующей армии началась в 17 лет.

Вскоре на него обратил внимание главнокомандующий генерал-аншеф Василий Михайлович Долгорукий, произвёл в есаулы и назначил начальствовать над особой казачьей сотней.

Осенью 1768 года началась очередная русско-турецкая война. Матвею не было ещё 20, когда он отличился при штурме Перекопа. Через несколько месяцев при сражении под Кинбурном снова заслужил похвалу за боевые действия и получил чин войскового старшины. И так же, как когда-то его отец, принял командование кавалерийским полком.

В 1774 году у реки Калалах платовцы были в числе сопровождавших важный обоз.

Не зря сопровождали. 3 апреля обоз атаковало 20-тысячное войско крымских татар и союзников их – горцев. Завязалось кровопролитное сражение.

Платов среагировал мгновенно, превратив телеги с грузом в укреплённый круговой лагерь. Бесстрашные казаки отбили семь яростных атак, прежде чем подоспела помощь.

На военном совете у Александра Васильевича Суворова – перед взятием Измаила – бригадир Платов (самый младший по чину) первым подал голос о штурме турецкой крепости.

Во время приступа молодой бригадир командовал спешенной казачьей колонной из 10 тысяч человек. Эта колонна одной из первых под перекрёстным арт-огнём овладела вражескими бастионами. Рядом с Матвеем в атаку шли два родных брата – для одного этот бой стал последним, второго тяжело ранили.

В представлении к награде, подписанном Суворовым, говорилось: *«Повсюду был он Платов присудствен и подавал пример храбрости»*.

После измаильского подвига Екатерина II пожелала лично познакомиться с доблестным донцом, пригласила во дворец и произвела в генерал-майоры. В этом чине он принял участие в Персидском походе 1796 года, отличившись при покорении Дербента, за что был награждён алмазной саблей «За храбрость».

Матвею Ивановичу сильно повезёт в жизни, ибо служить он будет под началом таких выдающихся полководцев, как Александр Васильевич Суворов, Григорий Александрович Потёмкин, Пётр Иванович Багратион, Михаил Илларионович Кутузов.

И сам он за полувековую службу своему Отечеству прославит и своё имя, и казачий род.

Но испытает он не только хвалу, познает и клевету. Просидит три года в Петропавловке. Завистники обвинят в измене, и Павел I в 1798 году сошлёт его в Кострому. Там состоится знакомство с молодым подполковником – 21 год всего – Алексеем Петровичем Ермоловым. И будет верная и крепкая дружба на всю жизнь.

Через три года царь, правда, одумается и оправдает генерала Платова. А потом назначит главой военной экспедиции... в Индию!

А потом Павла убьют; и авантюра, вдохновлённая союзом с Наполеоном, бесславно закончится. Истощённые русские полки в половинном составе вернутся домой.

В рескрипте от молодого императора Александра на имя Матвея Ивановича (август 1801 года) изложено: *«Известные Ваши достоинства мне и долговременно беспорочная служба побудили меня избрать Вас в войсковые атаманы Войска Донского на место умершего генерала от кавалерии Орлова...»*

Что ж, высокое назначение – великая честь. Теперь необходимы соответствующие деяния.

Новый атаман до 1806 года активно занимался на Дону исправлением недостатков административного управления и одновременно озаботился перенесением войсковой столицы.

Зная, что каждый год воды подтапливают казачью столицу Черкасск, Платов задумал перенести её на новое, более удачное место – в мае 1805 года праздновал своё рождение Новый Черкасский стольный град.

Но от мирных забот отвлекли очередные наполеоновские козни – и генерал Платов со своими донцами снова в самой гуще событий.

Удачной для русского оружия военную кампанию 1805 - 1807 годов назвать трудно. Причины были разные, от самих воинов не зависящие. Но славу казачьи полки себе снискали добрую.

В Пруссии, где, как подчеркнул царь, *«донцы превзошли древнюю славу предков своих»*, Матвей Иванович получил несколько наград, среди которых и орден Святого Георгия 2-го класса – очень чтимый в среде русского офицерства.

А французы впервые узнали, что такое иррегулярные войска. На собственной шкуре.

Особенно лихо показали себя донцы в сражении при Прёйсиш-Эйлау. Они стремительной атакой опрокинули неприятеля и захватили в плен около 500 человек. Наполеону пришлось ретироваться. С тех пор он начал люто ненавидеть казаков. И ценить.

Через год Платов – командир главного авангарда Молдавской армии. Теперь служит он под началом князя Багратиона.

В августе 1808 года казачьи полки штурмом взяли крепость Гирсова. В плен попала тысяча турецких солдат и 37 орудий.

Багратион так отписывал заслуги казачьего атамана: *«Нынешний его подвиг при весьма ограниченных для такого дела способах успешно произведённый, заслуживает всемилостивейшего внимания Вашего Величества к сему достойному воину»*.

Император откликнулся новым званием – генерал от кавалерии.

А потом – снова очередное недовольство и недоверие руководства.

Полного генерала Платова даже не позвали на военный совет в Филях, хотя там присутствовали лица, имевшие чины полковников.

А после оставления Москвы донской атаман был лишён командования казачьими полками, и ему приказали собирать лошадей для кавалерии – явно унижительное поручение для старейшего боевого генерала.

В период нахождения русской армии под Тарутино стали усиленно циркулировать слухи о пассивности казаков и о том, что их атаману якобы делались от имени Наполеона предложения о переходе в стан французов.

И ещё ходили слухи о беспробудном пьянстве атамана.

Свидетельства современников, держащих нейтральную позицию, позволяют сделать вывод о том, что Матвей Платов придерживался патриархально-консервативных воззрений – характерных для донской элиты, воспитанной на победных войнах екатерининской эпохи.

Он пытался решить две главные задачи – не только верно и не щадя живота своего служить государю, но и блюсти интересы Дона, оберегать автономные установления Войска от посягательств Петербурга.

Но задачи эти – не согласуемы во все века.

Казачьи полки сыграли решающую роль в истреблении иноземного нашествия: ими было взято в плен около 70 тысяч пленных, захвачено свыше 500 орудий, отбито большое количество трофеев, колоссальный французский обоз (10-15 тысяч повозок) большей частью также попал к ним в руки.

Казалось бы, результаты говорили сами за себя.

Но генерал Платов за всю кампанию 1812 года удостоился даже не награды, а скорее почести, хотя давно желанной, – его вместе с потомством Александр I возведёт в графское достоинство (второй по счёту граф из донских казаков, первым стал в 1799 году Фёдор Петрович Денисов).

Но это – вовсе не за боевые отличия, а за организацию донского ополчения.

Лишь за отличия в Заграничных походах русской армии 1813-1814 годов вихорь-атаман получил несколько орденов.

Косвенной наградой в России станет лишь высочайшая грамота «вернолюбезному» Войску Донскому за казачьи подвиги в 1812 году.

Но это всё случится позднее.

А сейчас – сентябрь 12-го. И уже нетрудно предугадать следующий шаг Кутузова – удаление атамана из армии.

Но всё образовалось. Помог старый друг генерал Роберт Вильсон, прибывший в Ставку как британский представитель в русской армии.

«Брат Вильсон» застал своего боевого товарища *«безо всякой команды и удалённым от тех, кои почитают его равно как отца, так и начальника»*, а также пребывавшего *«чуть ли не на пороге смерти от огорчения и обиды»*.

Вильсон вознегодовал.

Кутузов не любил англичанина, но вынужден был с ним считаться – скандал мог обрести международный оттенок, и тогда был бы виноват уже сам Михаил Илларионович.

23 сентября он создаёт отдельный казачий корпус для действий *«на коммуникации неприятельские»* под началом генерала Платова.

В приказе: *«Я надеюсь, что сей отступной марш неприятелю сделается вреден, и что вы наиболее к сему содействовать можете»*, а в начале ноября в рапорте Александру отметил: *«Казачи делают чудеса, бьют на артиллерию и пехотные колонны»*.

Корпус сразу же оказался задействованным в сражении под Малоярославцем, где и произошло одно крайне примечательное событие, о котором рассказывается в легендах по сию пору: выехавший ранним утром с осмотром позиций Наполеон чуть не попал к платовцам в плен!

Его спасло то, что донцы стремительно бросились к французскому обозу.

Пленения император избежал, но был смертельно обижен: какое-то барахло (подумать только!) оказалось дороже него – несравненного Бонапарта!

Обиделся и тоже записал на счёт подлым казакам.

А Кутузов после сего происшествия с подачи Платова распорядился отпечатать портреты Наполеона и раздать их всем командирам: *«Дабы каждый воин российский сию поганую физиономию знал памятно и при оказии сличить сумел»*.

Атаман со своим отважным корпусом прошёл весь освободительный путь и до границ российской империи, и по территориям европейских государств, оставляя восхищение своим видом и поступками, смелостью и широтой характера.

Даже покорённая Франция – и та была в восторге от внешне свирепых, но таких обаятельных казаков.

И тут нелишне вспомнить, что так замелькавшее в последнее время в названиях российских столовок иностранное словечко «бистр`о» имеет самые что ни на есть старые российские корни.

«Быстро! Быстро!», - кричали очаровательным и очарованным француженкам красавцы-казаки в многочисленных кофейнях.

Рассиживаться, как известно, нечего – фортуна переменчива! Платовских геркулесов ждали не только в Париже.

«Быстро» на французский манер превратилось в «бистр`о» и стало означать *«закусочную со срочным обслуживанием»*.

Вот так – уже 200 лет – вспоминают наших донцов на берегах Сены...

Французские же лингвисты уверяют, что это чистой воды фантазия, слово происходит от одного местного диалекта и означает всего лишь *«плохой алкоголь»*.

Кто теперь знает?

Но то, что донские казаки разбивали свой бивак в самом центре Парижа, это уж точно.

Во всяком случае, одно из кафе на Монмартре установило на фасаде памятную доску, где излагает эту – популярную даже во Франции – «русскую» версию.

И ещё вспоминают парижане, что не подверглась побеждённая столица разграблению и издевательствам.

И по сей день – для военного времени – явление уникальное.

Неслыханно! Абсурд! L'absurde, по-французски.

Солдатам российской армии чужого было не надо, они только защищали своё. И это тоже в не-малой степени заслуга нашего атамана.

Кстати, Матвей Платов и его боевые товарищи пожертвовали 60 пудов трофейного серебра, от-

битого у французов, в Казанский собор Санкт-Петербурга.

Архитектор Константин Андреевич Тон создал роскошный серебряный иконостас.

В 1814 году полки вернулись на родину. Войско Донское встретило с распростёртыми объятиями сыновей-героев.

Кутузов отметил в поздравлении: *«Дружба моя с вами с 73-го года никогда не изменялась; и всё то, что ныне и впредь вам приятного, я в том участвую».*

Войсковой атаман приступил к работе: надо было Новый Черкасск благоустраивать, налаживать народное образование, медицину.

Вскоре открылась первая типография, началась организация специального лагеря для артиллерийских сборов и стрельб.

Земной путь Матвея Ивановича Платова завершился 18 января 1818 года.

Уважение народа к этому легендарному человеку было безграничным.

И лучший памятник ему, конечно – Новый Черкасский град. Новочеркасск.

В августе 2011 года по предложению губернатора Ростовской области Законодательное собрание учредило орден Атамана Платова, которым *«награждаются граждане Российской Федерации за проявленное мужество, верность и доблесть при исполнении воинского, служебного или гражданского долга».*

И, заканчивая английскую тему, хочется добавить вот что.

В сентябре мы будем отмечать годовщину Бородинского сражения.

А ещё – 29-го сентября мы вспомним о начале знаменитой битвы под Москвой.

И полезно, потому, напомнить кое-каким забывчивым господам и товарищам – и у нас, и за рубежом – о том, что писала через три месяца (22 декабря 1941 года) лондонская газета «Таймс» о разгроме немецко-фашистских войск: *«Эта победа была достигнута благодаря искусству и выдержке русского верховного командования, стоическому героизму русского солдата и самоотверженности русского народа. Битва на Восточном фронте является стержнем войны. В конечном счёте, всё зависит от неё».*

А феномен «вихорь-атамана» (из простого казака – в генералы, да аж в графы!) в XX веке в какой-то степени повторил, оторвавшись от реального прототипа, кинообраз Василия Ивановича Чапаева.

В годы Великой Отечественной киносборники с кино-Чапаевым – Борисом Андреевичем Бабочкиным – поднимали дух бойцов куда лучше, чем приказы командиров.

Красноармейцы тоже иногда величали комдива «вихрь», возможно, даже не подозревая, что у этого титула был более законный обладатель!

А Юлиану Семёнову так понравится это словосочетание, что он даже напишет роман о майоре Вихре.

Не о Платове.

Но это уже – как пишут в прессе – совсем другая история.

«Почтение моё к Войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение кампании 1812 года, которые были главнейшей причиной к истреблению неприятеля. Сие чувство завещаю я и потомству моему».

Фельдмаршал князь Михаил Голенищев-Кутузов.

*

СЛОВАРЬ

Авангард – передовой отряд гвардии.

Аванпост – охрана войск, расположенных на отдыхе или в обороне.

Арьергард – охрана войск, совершающих отход.

Багратионовы флеши – в Бородинском сражении 3 полевых артиллерийских укрепления (5, 7 и 12 орудий) на высоте у деревни Семёновское.

Военная галерея Зимнего дворца (Санкт-Петербург) – 332 портрета русских генералов, участников войны 1812 года.

Генерал-аншеф – главнокомандующий (на ранг ниже фельдмаршала).

Елисейские поля – одна из главных магистралей Парижа.

Есаул – чин в казачьих войсках (адъютант).

Иррегулярные войска (нерегулярные) – не имеющие твёрдой и постоянной организации.

Кирасиры (фр. латники) – род тяжёлой кавалерии, одетой в кирасы.

Комдив – командир дивизии.

Лава казачья – особый вид рассыпного строя конницы: во время атаки главная масса идёт разомкнуто с интервалами в несколько шагов.

Лейб (нем. тело) – элемент сложных слов в названии частей войск, составляющих охрану монархов.

Литография – разновидность печатной графики, основанная на технике плоской печати.

Обер-квартирмейстер – офицер, занимающийся разведкой местности и дислокацией войск.

Обер-офицер – низший офицерский чин, до капитана (включительно).

Рескрипт – ответное письмо.

Урядник – офицерский чин в казачьих войсках.

Фуражир (фр.) – тот, кто ведает хранением и выдачей фуража (корма для коней)

Штаб-офицеры – наименование штатной категории командного состава.

Tabula rasa (лат.) – чистая доска для письма, в переносном смысле – нечто, пока лишённое содержания.

*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Алмазов Б. Военная история казачества. – М.: «Яуза», «ЭКСМО», 2008.

Астапенко М. Атаман Платов. – Ростов н/Д: НПК «Гефест», 2003.

Астапенко М. Донские казачьи атаманы. – Ростов н/Д: НПК «Гефест», 2002.

Астапенко М. История Донского казачества. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1983.

Безотосный В. Матвей Иванович Платов. – М.: «Государственный исторический музей», 2007.

Богданов А. Бог – рати – он. // Наука и религия. – 2012. – № 6. – С. 4.

Быкадоров И. Казаки в Отечественной войне 1812 года. – М.: «Яуза», «ЭКСО». 2008.

Гордеев А. История казаков со времён царствования Петра Великого до начала великой войны 1914 года. – М.: «Страстной бульвар», 1992.

- Донское казачество в Отечественной войне 1812 года. – Ростов н/Д: Ростиздат, 1943.
Дорожкин Н. Искусство – против дерзости. // Природа и свет. – 2012. – № 6. – С. 2.
Золотарёв В. Феномен «Наполеон Бонапарт» и 1812 год. // Наука и религия. – 2012. – №. 7. – С. 8.
- Известия Ростовского областного музея краеведения. – Ростов н/Д: РОМК, 2000.
Историческая энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1974.
Кирсанов Е. Донские казаки в Отечественной войне 1812 года. – М.: «Воениздат», 1992.
Космынина О. От Дона до Бородино, от куреня до бистро. // Ростов официальный. – 2012. – № 24. – С. 5.
- Кузнецов В. История Донского края. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1971.
Левченко В., Чеботарев Б. История Донского края. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1975.
Лобачёв В. Война и мир. // Наука и религия. – 2012. – № 6. – С. 2.
Нагорный Б. Твой край родной: Занимательное краеведение в вопросах и ответах. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1988.
- «Недаром помнит вся Россия...» – Череповец: «Корни», 2003.
Ригельман А. История о донских казаках. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1992.
Родина: Гроза двенадцатого года (спец. выпуск). – 2012. – № 6.
Родина: Казаки (спец. выпуск). – 2004. – № 5.
Слава казачьего Дона. – Ростов н/Д: Министерство культуры РО, ООО «Золотое сечение», 2011.
- Скотт В. История Наполеоновских войн. – М.: «Искусство», 1982.
Смирнов Г. 1812 и 1941. // Природа и свет. – 2012. – № 6. – С. 2.
Толстой Л. Война и мир. – М.: «Художественная литература», 1989.
Шишов А. 100 великих казаков. – М.: «Вече», 2007.
Шумов В. История казачества: Справочник казака. – Ростов н/Д: «КСС», 2004.
Энциклопедия казачества. – М.: «Вече», 2008.
- http://badnews.org.ru/news/1812_god_kazaki/2010-06-26-1852
http://clubs.ya.ru/4611686018427393751/replies.xml?item_no=37
<http://dspl.ru/eLib/Pages/Collections/details.aspx?id=35>
<http://kazak-portal.ru/istorija/kazaki-16-19-vek/197-donskoy-generalitet-i-ataman-platov-v-1812-godu>
<http://www.blaznin.ru/kultura/hist/98-----1812>
<http://www.coolreferat.com>
<http://www.museum.ru/1812/Library/Kirsanov/>

*